

ЦЕНА { в Москве. 6 р в знаках 1922 г (60.000. р.)
НОМЕРА: { в провинции. 7 р. " " " (70.000. р.)

Пролетары всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1-11-64
и 1-20-85.

№ 16.

29 апреля 1922 года.

№ 16.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Декларация основных имущественных прав“. — „Имущественные преступления по проекту Уголовного Кодекса“ — проф. Гродзинский. „Новое положение о векселях“ — Рындзюнский. „Стройная система или бессистемность“ — М-шип. „По поводу статьи т. Всесвятского“ — Саврасов. „Обзор советского законодательства за время с 9 по 15 апреля с. г.“ — Аронович. Суд и жизнь: „Заметки к стати и не к стати“ — Плюшков. „Суд на борьбу с голодом“. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: „Практика Высшего Судебного Контроля“. — За рубежом. — Хроника. — Почтовый ящик. — Официальная часть.

Декларация основных имущественных прав.

(К проекту декрета ВЦИК, разработанному Наркомюстом).

В III сессию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета внесен Наркомюстом проект декрета об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР.

Декрет имеет целью устранить неточности, неопределенности, остающиеся в вопросе о том, какие юридические права имеют отдельные физические и юридические лица к предметам, находящимся в их непосредственном пользовании и обороте. Вопрос этот в течение нашей революции пережил несколько стадий и в настоящее время с возникновением правильного гражданского оборота и установлением прочных отношений потребность в таком точном определении назрела окончательно. Новый декрет совершенно точно определяет имущественные права граждан, причем права физических и юридических лиц, т. е. отдельных граждан и их объединений, на находящиеся в их обладании имущество признается правом собственности. Это право распространяется на строения, не подлежащие муниципализации или возведенные по договорам о застройке, на торговые промышленные и фаб.-заводские предприятия с их орудиями и средствами производства, изделиями и товарами (не изъятыми из обращения специальными законами), продукты сельского хозяйства, денежные капиталы и предметы домашнего обихода.

Декрет объявляет свободу для каждого заниматься любой незапрещенной законом профессией и организовывать промыслы и торговлю, соединяться в товарищества (простые, полные, на вере и акционерные) и заключать всякие договоры имущественного характера (купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, страхования и т. п.).

Наконец, декрет устанавливает обязательную силу договоров, заключенных как между частными,

физическими и юридическими лицами, так и правительственными органами (в пределах их полномочий) и возможность оспаривания действительности этих договоров только по суду и притом только в точно перечисленных случаях, а именно: когда цель договора противна закону, когда договор касается предметов, изъятых из оборота, когда не соблюден порядок и форма, предписанные законом под страхом недействительности договора, когда договор направлен к явному ущербу для государства, когда договор заключен под влиянием угроз, насилия, обмана или существенного заблуждения. Все эти основные имущественные права признаются декретом одинаково, как за русскими гражданами, так и за иностранцами, причем иностранные юридические общества могут иметь права в Республике лишь после разрешения их деятельности органами правительства РСФСР. Последняя оговорка нуждается еще в очень существенных разъяснениях, так как понятие иностранного юридического лица очень сложно и может быть толкуемо различно. Впрочем, и все другие статьи декрета, конечно, нуждаются в подробном определении и каждая из них должна будет развернуться в ближайшее же время в целый, быть может, самостоятельный закон, так как настоящий декрет декларативно провозглашает лишь общие принципы и основы частного гражданского права, которое должно вылиться в окончательном виде в отдельный кодекс гражданских прав и форм. Однако, при той первостепенной важности, которую имеют в текущий момент вопросы урегулирования промышленности и торговли, появление настоящего декрета, устраняющего неопределенность и подводящего твердый фундамент правоотношений, имеет первостепенное значение.

Имущественные преступления по проекту Уголовного Кодекса *).

История русского уголовного законодательства готовится занести на свои страницы событие большой и даже исключительной важности—издание Уголовного Кодекса. Не приходится доказывать своевременность этого законодательного акта, которого Россия ждет уже так давно. Уложение о наказаниях 1845 г., неумело и неудачно составленное, носящее на себе яркие следы реакции поры Николая I-го, обветшавшее и непригодное, умудрилось, однако, просуществовать до 1918 г. и, по известному выражению, «пережить врачей, приговоривших его к смерти». Уголовное Уложение 1903 г., составлявшееся едва ли не двадцать лет, уже устарело к моменту его издания и в большей своей части не было введено в действие. С отменой всего законодательства, действовавшего до Октябрьской революции, Россия осталась без уголовного кодекса и продолжает по настоящее время пребывать в этом исключительном положении. Ныне, после 4-х бурных лет, в совершенно новых политических и социальных условиях делается попытка систематизировать русское уголовное право и выразить в форме писанного закона то, что осталось как наследие прошлого и что было создано вновь. Естественно, что при таких условиях нельзя не отнестись с особым вниманием к тому, что даст новый Уголовный Кодекс, какие он внесет новшества в русское уголовное право, как отразит он пережитый период русской истории, что взято им из опыта прошлого и что заимствовано из достижений науки и западно-европейского права. Равным образом, не может не иметь места критическая оценка проекта Уголовного Кодекса, каковая критика должна иметь своей целью всемерно содействовать тому, чтобы в результате общих усилий Россия получила кодекс, возможно более совершенный и возможно полнее отвечающий требованиям жизни и науки. Исходя из этих положений и останавливаясь на VI главе проекта Уголовного Кодекса, говорящей об имущественных преступлениях, должно отметить прежде всего, как положительное явление, немногочисленность статей, в этой главе содержащихся. Предусматривая все имущественные преступления, как корыстные, так и другие, 6-ая глава содержит в себе лишь 21 статью. Одно это заставляет предположить, что проект отказался от детализации, присущей многим кодексам, в том числе и Уложению о нак., и Уголовному Уложению, и дает лишь общие формулы. Такое упрощение Кодекса нельзя не приветствовать, т. к. оно находится в полном соответствии с выдвигаемыми наукой требованиями возможно больших обобщений и усиления значения субъективных моментов преступления за счет моментов объективных, которые, главным образом, и находили себе выражение в многочисленных определениях закона относительно «квалифицированных» и «привилегированных» пре-

ступлений, чему примеров можно отыскать в любом кодексе в более чем достаточном количестве.

Но отрешаясь от указанной детализации, которая, в частности, была присуща и русским кодексам, проект в то же время в некоторых случаях не сумел освободиться от влияния от этих кодексов и сделал ряд заимствований, от отсутствия которых новый Уголовный Кодекс значительно выиграл бы. Заимствования эти выступают наружу в первых же статьях VI главы, именно в статьях, говорящих о так называемом похищении имущества. Статьи 175, 177, 178 и 179 вновь воссоздают, казалось бы, уже отжившее свой век трехчленное деление на кражу, грабеж и разбой, с дальнейшим делением грабежа на подвиды: грабеж без насилия и с насилием. Выделение тайного похищения—кражи и противопоставление ей открытого похищения само по себе лишено всякого реального значения. Если за основание большей или меньшей наказуемости принимается, главным образом, степень «дерзости» преступника и степень его опасности, то поскольку от объективного момента—способа действия можно заключать о субъективных особенностях виновного, в качестве критерия в данном вопросе может быть принято одно лишь обстоятельство—наличие или отсутствие насилия; что же касается того, было ли похищение тайным или явным—этот момент не имеет решающего значения, так как открытое похищение без насилия само по себе нисколько не доказывает большей опасности преступника. В этом легко убедиться, если посмотреть каковы дела о так называемом грабеже без насилия, где речь идет, большей частью, о выхваченной ридикюле или кошельке. Трудно понять, почему преступник, вырвавший кошелек из рук зазевавшегося прохожого на рынке, более опасен и более дерзок, нежели вор, тайно похитивший этот кошелек на том же многолюдном рынке. К этому нужно добавить, что провести грань между тайным и явным похищением далеко не так легко, как это кажется на первый взгляд. Будет ли похищение тайным, если его видят посторонние лица или сам потерпевший, но похититель этого не знает? Каким будет похищение, при котором похититель полагает, что окружающие видят его действия, чего, однако, нет на самом деле?

Каким считать похищение, совершенное на глазах у всех присутствующих, которые, однако, не сознают преступности совершаемого, как это имело место в приемной врача, где один из пациентов, уходя, надел заведомо чужую шубу, при чем все присутствовавшие полагали, что шуба эта принадлежит похитителю? Ясно, что если в основу ложится степень «дерзости» преступника, то решающим должен быть момент субъективный, иначе говоря, то обстоятельство, знает ли похититель, что окружающие видят его действия и рассматривают их, как преступные; но в этом случае следует считать, что целый ряд случаев явного

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

и, скажем в скобках, действительно дерзкого похищения, как в примере с шубой, придется признать «тайным» и тем создать искусственное построение, а также дать место многочисленным контраргументам и сомнениям. Между тем каждый кодекс должен всячески избегать этого, а тем более создаваемый для России кодекс, рассчитанный на рабочих и крестьян, как на основной контингент судей. Между тем именно здесь и открывается в будущем целый ряд затруднений для этих судей и обстоятельство это заслуживает самого серьезного внимания.

Именно в виду трудности и, главным образом, несущественности различия между тайным и открытым похищением западно-европейские кодексы проводят деление не по этому признаку, а по моменту наличия или отсутствия насилия, создавая, как например, германское право *Diebstahl*—воровство и *Raub*—разбой—грабеж. Только Уложение о нак. выделяло тайное похищение и создавало указанное выше деление на кражу, грабеж и разбой. Это деление, крайне искусственное, было отброшено Уголовным Уложением 1903 года, которое создало воровство и разбой, понимая под первым похищение тайное или явное, но без насилия, а разбоем называя похищение, совершенное посредством насилия или угроз или приведения в бессознательное состояние. Это «упразднение грабежа» было в свое время одобрено русской юридической литературой, как избавлявшее суд от необходимости тратить энергию на установление таких зачастую неусловимых понятий, как тайное и явное похищение. Можно было надеяться, что новый кодекс освободится от искусственного построения, навязанного русскому праву теоретическими измышлениями законодателей начала XIX века, но в действительности приходится констатировать нечто прямо противоположное и говорить об официальном «восстановлении грабежа».

Отдавая дань хотя и искусственно-введенным, но все же привычным понятиям, проект выделил кражу, как особое тайное похищение. Это обязывало проект выделить и открытое похищение, а в этом последнем различать похищение без насилия и с насилием, но отнюдь не влекло необходимости создавать два вида похищения с насилием и различать грабеж с насилием и разбой. Насилие по общему правилу свидетельствует о большей опасности похитителя, почему признак этот должен быть подчеркнут законодателем, но размеры и характер насилия являются уже второстепенным моментом, который может и должен учитываться судьей при назначении наказания в каждом отдельном случае, но не может быть положен законодателем в основу. Между тем, создавая грабеж с насилием и разбой, проект принимает за отличительный признак чисто количественный момент, что неизбежно влечет за собой ряд трудностей для суда при отграничении грабежа от разбоя, и дореволюционная практика наглядно показала, как трудно проводилось различие между этими двумя в сущности тождественными преступлениями. Те же затруднения и та же необходимость в многочисленных кассационных решениях будет иметь место и при новом кодексе, который—так же, как и старое Уложение о нак.—

устанавливает крайне неопределенную границу между разбоем, с одной стороны, и грабежом с насилием, с другой. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить между собой 178 и 179 статьи проекта. Первая из них определяет грабеж, как открытое похищение, соединенное «с насилием, не опасным для жизни или здоровья»; вторая же характеризует разбой наличием физического или психического насилия, «грозящего смертью или увечьем». Прежде всего, остается непонятным, почему всякая угроза («психическое насилие») дает состав разбоя, т.-е. более тяжкого преступления, хотя нетрудно видеть, что похищение имущества, совершенное посредством угрозы, зачастую может оказаться менее тяжким преступлением, нежели похищение, сопровождавшееся физическим насилием, хотя бы и не опасным для жизни или здоровья. Далее, отличительный признак, устанавливаемый проектом, формулирован, таким образом, что не может быть положен в основу твердого отграничения грабежа от разбоя. Последний характеризуется наличием насилия, «грозящего смертью или увечьем», следовательно, всякое иное насилие даст состав грабежа; между тем насилие, не грозящее «увечьем», может оказаться опасным для здоровья и этот случай нельзя будет подвести ни под 178-ю, ни под 179 статью. Вообще говоря, случаи насилия, не грозящего здоровью, крайне немногочисленны и сводятся, главным образом, к побоям; все же основные случаи насилия влекут за собой большую или меньшую опасность для здоровья, почему проект поступил бы более последовательно, если бы отнес такие виды похищения к разбою, раз уже таковой выделен в самостоятельный пункт. При этом нельзя не отметить, что самый термин «увечье» является весьма неопределенным и нигде не пояснен в проекте; употребление этого термина носит случайный характер и может быть объяснено лишь влиянием Уложения 1845 года, говорившего, о ранах, увечьях и побоях; в проекте же Уголовного Кодекса понятию увечья тем более нет места, что проект в главе о телесных повреждениях, не знает деления на раны, увечья и др., но исходит из совершенно иных, гораздо более правильных положений.

Таким образом, деление, проводимое проектом в 178 и 179 статьях, не дает твердых руководящих указаний судье и оставляет целый ряд случаев похищения висящими в воздухе и не могущими быть отнесенными по точному смыслу этих статей ни к грабежу, ни к разбою. К этому должно добавить, что никакие формулы не сумеют дать точного отграничения этих двух преступлений в виду того, что между ними нет органического различия в способе действий, количественное же различие неуловимо. Поэтому проект поступил бы правильнее, если бы не создавал затруднений для будущей практики и не усложнял бы и без того трудную работу судей пролетарского состава, но объединил бы в одно преступление открытое похищение с насилием, раздвинув рамки наказуемости и предоставляя судье учитывать в каждом отдельном случае, среди других особенностей дела, характер имевшего места насилия. При этом проект не отступил бы от своего стремления учитывать привычные формулы, вошедшие в правосознание народных масс, ибо правосознание это,

находящее свое отражение в обычном употреблении совершенно не знает таких тонкостей, как разбой и грабеж, и одинаково называет грабителем того, кто снял пальто с прохожого, нанеся ему при этом побои, и того, кто при похищении пальто нанес потерпевшему тяжкую рану или даже лишил его жизни. Поэтому, если уже

выделена кража и грабеж без насилия, проекту надлежало создать третий и последний вид похищения—грабеж с насилием, не выделяя особо разбоя.

(Окончание следует).

Проф. М. Гродзинский.

Новое положение о векселях.

30-го марта сего года опубликовано новое Положение о векселях (См. официальную часть № 14—15 «Еженедельника»), являющееся серьезной попыткой на пути восстановления денежного и товарного оборота. Известно, какое широкое применение имеют векселя и как орудие кредита, и как некоторое дополнительное средство к денежным расчетам; понятно, что теперь с возрождением частной торговли и коммерческой деятельности неизбежно было восстановление такого общепринятого порядка расчета, как вексель. Для разрешения этой задачи необходимо, однако, обеспечить за ним такие твердые условия, которые давали бы уверенность в скором и по возможности бесспорном удовлетворении вексельных требований. Вексель, переходящий из рук в руки, от одного держателя к другому, обезличивается, непосредственная индивидуальная связь между должником и кредитором стирается и он в значительной степени превращается в «бумагу на предъявителя». Совершенно понятно, что успех вексельного обращения всецело зависит от того, насколько принимающий вексель будет иметь уверенность, что при осуществлении права не понадобится доказывать его происхождение, отстаивать действительность долга, реальность валюты и т. п. Словом, вексель мыслим при условии бесспорности документа, т. е. при установлении невозможности возражений о безденежности и т. п. споров о существовании взаимоотношений, в результате которых явился вексельный долг.

Такой уверенности, к сожалению, новое положение не дает и в этом его (наиболее крупный) недостаток. В прежнее время, когда в гражданском процессе существовала разница в силе письменных и других документов, 410 ст. Устава гражданского судопроизводства прямо воспрещала оспаривать свидетелями письменные документы, а 33 ст. Уст. о векселях резко ограничивала круг допустимых возражений, почему было излишне делать какую-либо специальную оговорку относительно особой неоспоримости векселей, но в современном процессе, когда всякое преимущество формальных письменных актов отпало и против любого документа можно выставить какие-нибудь возражения,—необходима особая оговорка в законе для установления того, что против векселедержателя допускаются только те возражения, которые, во 1-х, происходят из непосредственных отношений между ним и привлекаемым к ответу, обязанным к платежу лицом, во 2-х, подкрепляются письменными же доказательствами или, в 3-х, основаны на уголовном обвинении против векселедер-

жателя, без чего остается невыясненным, в чем же заключается особая вексельная сила и особый порядок удовлетворения, о которых говорится в 1-й ст. Положения о векселях. Такое правило вытекает из самого существа вексельного обязательства, которое предполагает, что каждый из обязавшихся ответственен перед векселедержателем в полной мере и совершенно независимо от других лиц, связанных вместе с ним вексельными отношениями? Однако, это нашло себе недостаточно определенное выражение в ст. 10 Положения, устанавливающей в сущности тот же принцип, но не устраивающей возможности предъявления споров о безденежности и других обычно практикуемых возражений, а главное не устанавливает допустимости лишь письменных документов в опровержение вексельного договора. Неясная формула 10 ст. еще усугубляется ее неудачной редакцией: там сказано: «каждому векселедержателю независимо от прав предшественника принадлежат все права по векселю. Исключается лишь тот случай, когда вексель выбыл из владения последнего и т. д.» Кого—последнего?, вероятно, предшественника? Но почему только предшественника, а не векселедателя или других промежуточных бланконадписателей?

Второй пробел и вследствие этого новая неясность Положения видна из следующего: перед векселедержателем одинаково ответственны, как первоначальный векселедатель, так и все предшествовавшие держатели, поставившие на нем свои передаточные бланки (кроме безоборотных), и он вправе предъявить требование к любому из них без соблюдения последовательности их надписей. Но Положение вовсе не предусматривает дальнейшего порядка взысканий промежуточными надписателями, оплатившим вексель; здесь могут родиться серьезные недоумения: положим, на векселе имеются пять бланков и он оплачен третьим из них, тот вправе в свою очередь предъявлять требования о регрессе (оплате), но только ли к предшествовавшим—первому и второму, или также и к последующим—четвертому и пятому, которые ведь тоже приняли на себя обязанность платежа. Казалось бы необходимо включить определенное указание на возможность только первого из приведенных двух взысканий—обратного взыскания уплаченной бланконадписателем суммы только с предшествовавших ему надписателей, по тому простому соображению, что всякий надписатель сам отвечает перед всеми последующими за ним и, таким образом, не вправе требовать с них возмещения той суммы, в которой он сам перед ними

новинен и которую они были бы вправе потребовать от него самого. Однако, при наличии одной только 9 ст. Положения полное умолчание о праве оплативших вексель надписателей на обратное взыскание валюты с предшествующих ему надписателей может породить споры, которые при малом развитии теоретических познаний способны извратить судебную практику.

Известно какое значение в торговле и промышленности имеет допущение векселя до протеста; оно рождает не только обязанность платежа процентов и пеня, что, конечно, не так существенно, но и влечет за собой представление о некредитоспособности; правда при сегодняшнем положении денежного рынка и отсутствии учетных банковских операций говорить об этом не приходится, но необходимо полагать, что не сегодня—завтра оборот восстановится и учреждения взаимного кредита или иные органы торгового и промышленного кредитного объединения поведут учет кредитоспособности, а, следовательно, появится регистрация вексельных протестов и насущная потребность иметь средства снять с себя таковые. Между тем неплатеж по векселю может произойти от причин, независимых от векселедателей, и в первую очередь от неизвестности местонахождения векселя и вот необходимо дать должнику возможность внести следуемую с него сумму в депозит народного суда по месту платежа, для чего необходимо также определить таковое более точно, чем это сделано в ст. 5 Положения, указав, что платеж должен производиться при отсутствии другого точно обозначенного в векселе места в месте торговли, промысла или жительства обязанного лица. Внесение денег в день, следующий за последним днем срока при отсутствии действительного приглашения со стороны векселедержателя к платежу, должно освобождать должника от протеста и давать ему право на уничтожение его без особых формальностей простым предъявлением лицу, произведшему протест, нотариусу или судье квитанции во взносе денег. Таковы те крупные пробелы, которые обнаруживаются при первом же ознакомлении с законом; можно отметить еще следующее: отсутствие указания на возможность подписывания векселей по доверенности и в связи с этим неясность вопроса, какие именно доверенности дают это право и каковы последствия, если вексель подписан от имени кого-либо лицом, вовсе не имеющим дове-

ренности, или с превышением полномочий. При теперешних условиях можно ожидать появления множества векселей с дефектами содержания. Тогда как в отношении внешних дефектов Положение категорически устанавливает утрату вексельной силы за пропуском хотя бы одного пункта содержания, предписываемого ст. 2-й Положения, ничего не говорится о последствиях внутренних его дефектов, как например, подпись векселя или бланка подложно или от имени несуществующего лица, а также выдачи векселей недееспособными, как несовершеннолетними, находящимися под опекой и пр.; становится ли вследствие этого вексель в полной мере ничтожным или ответственность по неопороченным подписям остается? Последнее представляется более правильным, ибо вексельные отношения, как указывалось выше, строятся по принципу ответственности каждого из участников векселя перед держателем независимо друг от друга и, таким образом, ничтожность одного не может освобождать остальных, однако же во избежание неправильных толкований необходимо точное установление такого правила в самом законе.

Хочется отметить еще неприемлемое определение существа вексельных отношений, как «обещание» произвести платеж, формулируемое в ст. 2 Положения. Термин «обещание» неуместен и неправилен: обещание по общему правилу не порождает никаких последствий юридического характера и поэтому не может быть принудительно осуществляемо, и здесь речь идет, конечно, не об обещании, которому векселедатель придал уже силу обязательства, заранее соглашаясь даже на передачу его любому третьему лицу, чего, конечно, не могло бы быть при наличии одного обещания необходимо связанного с личностью того, кому оно дается.

Однако, за всеми этими пробелами новое Положение отвечает жизненной потребности и восстанавливает к жизни одно из тех явлений и взаимоотношений, которые, хотя никогда не были формально уничтожены или воспрещены советским правительством, тем не менее оказались настолько разрушенными напором революционной перестройки всей нашей жизни, что оказывается необходимым напомнить в виде специального закона самую возможность их формального проявления и правила их регулирования.

Григ. Рындзюнский.

Стройная система или бессистемность.

«Криминологические этюды современности» — под таким заглавием напечатана статья тов. П. Всесвятского в № 9 «Еженедельника Советской Юстиции». Заглавие многообещающее и судя по тому, что эта статья заумерована римской цифрой 1, надо думать, что за нею следует и ряд других. В добрый час! Но — увы, всегда это «но»! — но, скажем мы, этот первый из цикла «криминологических» этюдов возбуждает в нас некоторые сомнения: внимательно просматривая статью, «кри-

минологического» мы в ней нашли мало — затрагиваемый ею вопрос есть вопрос чисто психологический.

Против чего же вооружается тов. Всесвятский? — «Жизнь не поддается такой стройной механической работе, как она рисуется сторонникам «стройной» прогрессивной системы, и ее нельзя уложить в рамки закостеневшей регламентации» утверждает автор этюдов. «Жизнь настолько богата разнообразием, что замыкаться в рамки

«стройной системы» значит вести к провалу все дело, требующее новых исканий и живого творчества». «Все дело не в **стройности** (курсив подлинника—Д. М.) системы, а в создании рациональных мероприятий социальной гигиены и организации мер приспособления к трудовой жизни лиц, вышедших из колен жизни». И наконец: «в этой «стройной» системе мы чувствуем ложь с начала до конца. Не место лжи,—правда должна быть стимулом нашей социальной работы».

Как видите, автор этюдов не шутя ополчается против стройной системы. Он не может упоминать о ней иначе, как с иронией, и всюду неизменно берет ее в насмешливые кавычки. Стройная система, по его глубокому убеждению, непременно выльется в мертвую форму, а мертвая форма неизбежно повлечет за собою забвение действительной жизни. В подкрепление своих положений автор ссылается и на Граднауэра, и на К. А. Тимирязева, и на П. А. Кропоткина, и даже на лордов английской Верхней Палаты. Самая статья написана в горячем тоне и сам автор откровенно признается в своей страстности. Итак, подлинная, богатая разнообразием жизнь подвергнута серьезной опасности быть задавленной рутинной мертвенных форм «стройной системы». Но что же именно конкретного, реального вменяется в вину этой системе? Где те настоящие, из жизни взятые данные, которые привели бы нас к убеждению в справедливости выводов автора этюдов и привили бы и нам его отвращение к «стройной системе»? Сказал ли нам тов. Всесвятский, чем вредна всякая «стройная система» и чем он предполагает ее заменить?

«Со всею страстностью мы будем возражать против той стройности разделения на разряды, которые имеют место в общем положении о местах заключения (испытываемых, исправляющихся и образцовых)». Вот оно что. Вот где зло и вред стройной системы, принятой действующим в настоящее время положением об общих местах заключения. Вот где истинная причина, вызвавшая появление первого из «криминологических этюдов» и заставившая автора его «со всею страстностью» обрушиться на принцип стройности в системе, вообще. Не будь деления на разряды, тов. Всесвятский, может-быть, еще и примирился бы с стройной во всех других отношениях системой. Но разряды—это такое зло, которое, очевидно, скомпрометировало в его глазах всю современную постановку пенитенциарного дела в учреждениях управляющихся на основах общего положения. Чем же аргументирует тов. Всесвятский вред деления на разряды? «Пойдите в большую тюрьму наших столиц», говорит он, «познакомьтесь с живыми лицами из разряда «испытываемых» и вы согласитесь, что перед вами не толпа преступников, а целый ряд несчастных людей, выбитых из колен и ждущих целыми месяцами перевода в разряд «исправляющихся». Им не место калечиться в тюрьме для того, чтобы прошагать по лестнице разрядов исправления. Достаточно выслушать правдивую историю их злоключений, чтобы понять, что они вовсе не внушают опасения для общества».

Нет, тов. Всесвятский, невозможно согласиться. И невозможно именно потому, что этого не позволяет сама действительная жизнь. Не страдает

ли как-раз ваш собственный взгляд чрезмерной теоретичностью, не проистекает ли именно он из некоторой предвзятой пенитенциарной системы и не хочет считаться с проявлениями действительной жизни во всем ее многообразии? Многие из числа заключенных наших столичных тюрем, бесспорно суть несчастные, выбитые из колен жизни; но все ли? И достаточно ли «выслушать правдивую историю их злоключений», чтобы поставить их вне необходимости испытания? Посмотрим, что подсказывает нам та же действительная жизнь, и будем тоже правдивы до конца.

В эпохи бурных общественных потрясений общественная мораль несомненно испытывает значительные колебания. Теряются границы морально дозволенного и запрещенного, моральная неустойчивость достигает чудовищных размеров и рост преступности на всех ступенях общественного положения развивается со сказочной быстротой. Всмотритесь в живую действительность и вы найдете на каждом шагу готовность людей совершать преступления. И было бы очень ошибочно думать, что эта готовность вызывается исключительно несчастным стечением обстоятельств для каждого данного лица. Нет, преступление далеко не всегда является случайностью: сколько обдуманности, сколько хитрости и сколько расчетливой осторожности затрачивается в этом направлении. Но так или иначе, менее удачливые или более зарвавшиеся попадают под суд и вынуждены «дать отчет за конфликты свои с законом». Суды, залитые потоком все растущей преступности, выслушивают «правдивую историю злоключений» обвиняемых и приговаривают их к лишению свободы. Автор «криминологических этюдов» очень одобряет тов. Саврасова, который «предупреждал от увлечения судов и трибуналов прописывать рецепт лишения свободы по всякому даже незначительному поводу». Мы тоже очень разделяем этот взгляд тов. Саврасова, но сейчас речь идет о «строгой системе» исправительно-трудовых учреждений, которым приходится считаться с уже совершившимся фактом осуждения. И вот тут-то тов. Всесвятский уверяет нас, что «живые лица из разряда испытываемых» являются не преступниками, а лишь несчастными людьми. И с этим-то и нельзя согласиться. Мы не даром коснулись того явления массового падения морального самосознания, о котором только что речь шла выше. И наш личный опыт убеждает нас, что далеко не достаточно ограничиться выслушиванием «правдивой истории злоключений», чтобы с уверенностью причислить осужденного к этой или другой категории «уклонившихся от честного трудового пути». Пример железнодорожника, похитившего 10 фунтов соли и приговоренного за это к 15 годам лишения свободы (до издания декрета от 21 марта 1921 года), если взять этот голый факт, разителен. Но как относиться к той невероятной моральной разрухе, которая царит на железных дорогах и которую бесчисленные приговоры трибуналов отражают только в слабой степени? И неужели тов. Всесвятский искренно и серьезно убежден, что многие из этой категории «несчастных», если бы для них суд кончился ничем, по возвращении к своим обязанностям встали бы на «путь честной трудовой жизни» и не искусились бы на новое преступление? Мы, к

сожалению, такого взгляда разделить не можем. И имеем смелость заявить, что, признавая приспособление к трудовой жизни жертв общественного порядка краугольным камнем карательной политики, мы тем не менее признаем необходимым, по крайней мере, для текущего переходного периода, сосуществование и наказания, как наказания по принципу «чтобы повадно не было» (см. об этом статью тов. Саврасова в № 2—4 1919 г. журнала «Пролетарская революция и право» — «К вопросу о наказ.»). Но вернемся к тем жертвам социальных условий, в отношении коих может и должно иметь место их исправление или социальное приспособление — как хотите. Опять повторяем, достаточно ли выслушать их правдивую историю? Теоретически, нам кажется несомненным, что для определения моральной физиономии человека при всяких условиях необходимо то или иное количество времени; «человека узнать — пуд соли съест» говорит пословица. Стало быть, период изучения необходимо должен быть, и если это зло, то во всяком случае — неизбежное. Нельзя же серьезно утверждать, что можно ограничиться в этом отношении одним взглядом, одним разговором. Но впрочем, обратимся к фактам, к подлинной жизни. Тов. Всесвятский указывает, как на курьезы, подрывающие весь смысл деления на разряды, на два факта: в одном случае, тюрьма получила извещение от распределительной комиссии о переводе в разряд исправляющихся осужденного, который три дня тому назад совершил побег. В другом случае — в разряд исправляющихся переведено лицо, признанное трибуналом неисправимым врагом Республики. Остановимся сперва на втором случае. Тов. Всесвятский сам признает необходимость тюрьмы для лиц, опасных для общества. Но почему же отказывать уже и во всяком облегчении положения этих лиц, если за каменной стеной они фактически обезврежены, а поведением своим не нарушают установленного режима? Что тут удивительного или «курьезного»? Теперь по поводу побега. Разве тов. Всесвятский не чувствует, что приводимый им пример разит прежде всего его самого? Опять вернемся к рекомендуемой им системе определения личности осужденного с одного взгляда: а кому будет принадлежать право этого определения? «Бюрократически-настроенному» начальнику тюрьмы? Конечно нет, не ему одному. Распределительной комиссии? Но как-раз ведь оказывается, что распределительная комиссия даже по простейшему из какого-либо испытательного периода ошиблась в своей характеристике, и заключенный, переведенный ею в разряд исправляющихся, бежал. Не говорит ли это скорее в пользу, если уже не более длительного, то, по крайней мере, более тщательного, но все же и непременно — испытания?

Тов. Всесвятский вспоминает, как некогда один из членов Верхней Палаты сказал: «Лорды, дисконт повышается — стройте тюрьмы и рабочие дома», и предупреждает о той надвигающейся волне массовой преступности, которая грозит нам со стороны голодного Поволжья. И горько сетует, что преступный элемент новой формации пойдет «по разрядам испытаний». Что делать! Разряд испытываемых существует для изучения личности осужденного и ни при каких условиях из-

бегнуть его не удастся. Это как карантин. Чем лучше, чем чище и выше будет поставлено дело «социального приспособления», тем глубже и тщательнее должно быть испытание и тем осторожнее подбор групп исправляемых — или приспособляемых — уже хотя бы по тому одному, что и человеческие личности, как сама жизнь, тоже безконечно разнообразны и не могут быть подведены все под одну категорию.

Итак, разряд «испытываемых», как период ознакомления с личностью заключенного для установления мер его перевоспитания, должен существовать неизбежно. Но деление на разряды имеет, несомненно, еще и другое значение. С переводом из низшего разряда в высший сопряжены для осужденного те или иные льготы. «Пусть провинившийся перед обществом», говорит тов. Всесвятский, «заработает тот ущерб, который он нанес обществу, в обстановке чистой, истинно-трудовой». Но как создать эту трудовую обстановку? Возьмем ли мы тюрьму, или трудовую колонию, безразлично, и тут и там поощрение труда является, несомненно, важнейшим стимулом к труду и доброму поведению у заключенного. Но если, с одной стороны, поощрение может быть дано лишь после прохождения некоторого определенного стажа, то с другой, такие льготы, как, например, отпуска, могут быть предоставлены лишь при наличии убеждения, что заключенный не употребит отпуска во зло — а такое убеждение может наступить лишь по прошествии достаточного времени. Опять и в целях поощрения мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью периода испытания и не можем обойтись без соответствующего разряда «испытываемых» и «исправляющихся» — ведь дело не в названии.

И почему тов. Всесвятский думает, что именно, «проделав хождение по разрядам исправдома» слабохарактерный рабочий заразится вредным духом тюрьмы и выйдет «исправившимся в обратную, отрицательную сторону»? Если тюрьма сама по себе при всяких условиях — зло, то при чем тут именно разряды? Мы бы думали наоборот, что передвижение по разрядам и достижение присвоенных каждому из них привилегий является основным путеводным лучом для всякого не окончательно павшего в моральном отношении еще до поступления в исправдом заключенного, и смеем думать, что наблюдаемая нами действительная жизнь московских общих мест заключения является тому прочным подтверждением. Правда, тов. Всесвятский весь центр тяжести карательной политики видит в создании трудовых сельскохозяйственных колоний, исправдомы же или тюрьмы должны служить лишь изоляторами с соответствующим трудовым и воспитательным режимом для лиц, опасных для общества. Для преступников же из городского населения — фабрики и заводы со специальными интернатами вне стен тюрьмы. Итак, колонии для сельского преступного люда, фабрики и заводы с «особыми интернатами» для городского, исправдомы и тюрьмы «с соответствующим режимом» для лиц, опасных для общества... А это — не система? Или, может быть, система, но не «стройная», и только поэтому заслуживающая право на существование? (При-

знаемся, нам кажется, будто тов. Всесвятский начал за здоровье, а кончил за упокой, или что «своя своих не познаша». С какой иронией он критикует пунктуальность бывшего действительно, к чести его сказать, точным и пунктуальным тов. Саврасова, нарисовавшего систему с постепенным смягчением режима—от исправдома к колонии в одну сторону и к изолятору для особо опасных преступников—в другую. С какой легкостью кончает сам враг системы тоже системой—и с тюрьмой, и с сельскими колониями, и с городскими интернатами, и с «соответствующим режимом». Но

свою систему не обосновывает, что надо подразумевать под «соответствующим режимом» не разъясняет, как организовать в больших, полных вечного соблазна городах специальные интернаты вне стен тюрьмы, не указывает, полагая, очевидно, достаточным упразднить разряды, и все остальное приложится уже само собой. При таких условиях, система, несомненно, много теряет в злобной «стройности», но выигрывает ли от этого дело—едва ли.

Д. М—шин.

По поводу статьи тов. Всесвятского *).

Статья тов. Всесвятского с ее мудреным названием и стремлением изложить на 1½ страницах свою обширную эрудицию производит такое впечатление, словно автор ждал случая, чтобы изложить свои взгляды, и не дождавшись более удобного момента, воспользовался первым попавшимся.

В своем докладе на 4-м съезде деятелей юстиции, говоря о необходимости передачи лагерей принудительных работ в ведение Наркомюста, я сказал, что эти уродливые с пенитенциарной точки зрения учреждения должны войти в общую систему исправительно-трудовых учреждений. Я думаю, никто не будет спорить, что лагеря, в которые помещались без разбору и контр-революционеры, и заложники, и люди, осужденные за крупные преступления по должности на 10—15 лет, и мелкие воришки, и просто праздношатающиеся, конечно, являются уродливыми учреждениями, по сравнению с которыми исправительно-трудовые учреждения НКЮ, как бы они ни были далеки от совершенства, все же выгодно отличаются наличием системы. «Стройная система»—это выдумка тов. Всесвятского, по крайней мере, в той окраске, какую он ей придает.

Однако, хотя я вовсе не останавливался на «стройности» карательной системы, все же должен сказать, что представление о возможности по-

строения исправительно-трудовых учреждений только на принципе максимальной индивидуализации мер воздействия на преступников, есть, конечно, лишь «пленной мысли раздражение» не только в настоящий момент разрухи и нищеты, но даже и в более нормальное время. Аксиому, преподносимую тов. Всесвятским, необходимо превратить в жизнь, а это гораздо труднее, чем изрекать с победоносным видом всякого рода трюизмы.

По существу статьи подробно ответил тов. Д. М—шин и я ограничиваюсь только пожеланием, чтобы на страницах органа Наркомюста было меньше общих, навязанных в зубах рассуждений и побольше практических предложений, основанных на проверенных фактах. А в этом отношении от тов. Всесвятского побольше, чем от кого бы то ни было, можно требовать эмпирических выводов, а не абстрактных рассуждений, ибо он работает в пенитенциарном деле с 1917 года и все время находится во главе учреждения, не связанного узким и жестким уставом, и имеет возможность опытным путем проверять теоретические умозаключения о методах и способах воздействия на лишенных свободы.

Л. Саврасов.

Обзор советского законодательства

за время с 9 по 15 апреля 1922 г.

За обозреваемый период опубликовано несколько декретов, имеющих существенное значение для упорядочения финансов РСФСР, развития торгово-промышленной деятельности, а также для усиленного проведения предстоящей сельскохозяйственной компании.

К первой категории относятся декреты СНК:

1. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» (Изв. ВЦИК № 80 от 9/IV—22 года).

2. «О вкладных операциях Госбанка и о правилах приема денежных переводов за границу».

*) См. № 9 «Еженед. Сов. Юст».

Значение декретов уясняется из их сопоставления: с одной стороны—первым из них—а) отменяется обязательный порядок сдачи государству золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монете, а равно драгоценных камней и иностранной валюты; б) но продажа и покупка золотой, серебряной, платиновой монеты и иностранной валюты остается монополией Госбанка; с другой стороны—вторым декретом—Государственному банку предоставляется право принимать на текущие счета и во вклады золото и серебро в монете и слитках и иностранную валюту с обязательством возврата вклада вкладчику тем же металлом или валютой, но с

выплатой % в валюте РСФСР. Ясно, что целью обоих декретов является создание стимулов для добровольного внесения гражданами на текущие счета и вклады в Госбанк имеющегося у них золота и серебра, усиления, таким образом, золотой наличности Госбанка и облегчения его финансовых операций. Приток золота и серебра в кассу банка, несомненно, в значительной мере освободил бы его от необходимости приобретать их на вольном рынке и тем, помимо своей воли, способствовать непрерывному спекулятивному подёму их стоимости, крайне вредно отражающемуся на всей торгово-промышленной жизни страны.

Ко второй категории относятся:

3. Декрет СНК «об учреждении главного комитета по делам о концессиях и акционерных обществах» (Изв. ВЦИК № 83 от 13/IV—22 года). Декретом упраздняются комиссия по смешанным обществам при СТО и концессионный комитет при Госплане и для рассмотрения проектов концессий всех видов уставов акционерных обществ, образуемых как с участием правительства (смешанных обществ), так и без такого учреждения при СТО «Главный комитет о концессиях и акционерных обществах». Таким образом, устраняется крайне нежелательный параллелизм и несогласованность в работе двух органов, как при выдаче концессий, так и при утверждении уставов акционерных обществ.

4. Декрет ВЦИК «об учете специалистов по сельскому хозяйству» (Изв. ВЦИК № 84 от 14 апреля) издан в целях рационального использования сил специалистов по сельскому хозяйству. Учету подлежат: а) лица, окончившие средние (русские и заграничные) и высшие специальные сельскохозяйственные заведения или не получившие специального образования, но занимавшие не менее двух лет должности ответственных руководителей в сельскохозяйственной области; б) специалисты вышеуказанных категорий привлекаемые из-за границы и прибывающие в Россию самостоятельно в целях получения работ по специальности; в) студенты специальных сельскохозяйственных учебных заведений двух последних семестров и, наконец, г) лица, окончившие специальные ветери-

нарные учебные заведения и курсы с программой не ниже средних учебных заведений.

Срок производства учета двухмесячный, считая со дня опубликования декрета. Учет производится центральной и местными комиссиями по учету и распределению специалистов по сельскому хозяйству, создаваемыми, первая при отделе учета технических сил Народного Комиссариата Труда, а вторые при местных его органах. Списки специалистов, находящихся на какой-либо службе, представляются в учетные органы местами и лицами, у которых эта служба протекает. Ответственность за уклонение от учета по суду—принудительные работы на срок не менее 3-х месяцев с заменой или без замены штрафом. Размер штрафа не менее 100 рублей по курсу золотой валюты. От учета освобождаются лишь специалисты, отбывающие наказание по суду или в административном порядке, если они при этом не находятся на свободе.

Кроме вышеуказанных, за обозреваемый период опубликованы:

5. Декрет СНК «о заготовке и переработке кожевенного сырья» (Изв. ВЦИК № 84 от 14 апреля). Декретом разрешается всем государственным учреждениям и предприятиям, органам кооперации, частным лицам и их объединениям свободная заготовка, переработка, покупка и продажа кожевенного сырья.

6. Изменения декрета ВЦИК и СНК «об едином натуральном налоге» (Изв. ВЦИК от 12/IV—№ 82). Вместо 11 групп хозяйств по количеству пахотной и сенокосной земли на едока, как это значилось в п. а ст. 4 декрета устанавливается девять групп. Вместо двенадцати разрядов урожайности, начиная с двадцати пудов с десятины (п. б той же статьи) устанавливается одиннадцать разрядов урожайности, считая первый—до двадцати пяти пудов с десятины и одиннадцатый—сто пудов и более с десятины.

7. Размер обложения одной десятины пашни и сенокоса (в переводе на пашни) в зависимости от урожайности и обеспеченности обложенной земель на одну душу и обеспеченности скотом (в переводе на крупный) на одно хозяйство (Изв. ВЦИК от 14/IV—№ 84).

В. Аронович.

СУД и ЖИЗНЬ

Заметки к стати и некстати.

1. О снабжении работников юстиции.

В день окончания 4-го всероссийского съезда работников юстиции в январе этого года Нарком юстиции Курский поставил членов съезда в известность, что правительством принимаются все меры к изысканию средств и возможностей для поднятия материального положения работников юстиции, как всем известно, перегруженных работой. Действительно, работники юстиции работают много и снабжаются довольно скудно. Вот и хочется привести некоторые цифры, свидетельствующие о работе, которую проделывают органы

юстиции в одном из районов Петроградской губернии; цифры по этому району могут служить примером и характеристикой общей работы.

К народному следователю этого района за март месяц поступило 116 уголовных дел; народный суд принял за этот же месяц 71 уголовное дело и 168 гражданских дел и рассмотрел 56 уголовных дел и 75 гражданских дел; цифры показательные. Если кто знает работу следователей, судей, их секретарей и вспомнит с какою точностью, тщательностью и заботой должны вестись дела, какие мельчайшие детали

должны быть приняты во внимание, какие мельчайшие и запутаннейшие сплетения должны распутываться следственными и судебными органами, то вышеприведенные цифры определенно говорят нам о громадной работе произведенной работниками этого района за истекший месяц; работа в другие месяцы не меньше и работа в других районах и губерниях тоже не меньше... Работники юстиции работают.

Как же они снабжаются?—Существуют несколько разрядов оплаты труда работников отдельных государственных учреждений; первого разряда средняя тарифная ставка на март месяц—около 14.000.000 руб.; к этому разряду отнесены, например, в нашем районе служащие отдела управления исполкома; работники же юстиции в марте отнесены к 4 разряду, по которому средняя тарифная ставка исчисляется в 6.000.000 р.; другими словами, работники юстиции получают за свою работу в два с лишним раза меньше работников отдела управления и других советских государственных учреждений. Из этого небольшого содержания удерживается еще стоимость государственного снабжения в 1.500.000 р., среди которого наиболее существенной выдачей является мука: 20 ф. муки в месяц (т.е. менее 1 ф. хлеба в день!). Также показательные цифры...

Из приведенного расчета народный судья и народный следователь за март получают вознаграждение в размере около 10.000.000 р., тогда как заведующий подотделом отдела управления, например, получит более 20.000.000 р., то же государственное снабжение плюс ответственный паек, которого народные судьи и следователи не получают.

Я не берусь утверждать, что у работника другого отдела работы меньше, чем у работника юстиции, но я берусь утверждать, что у работника юстиции работы не меньше, чем у работника какого-либо другого отдела. Я берусь говорить, что работнику юстиции обидно это отнесение его в 4 разряд по снабжению, и его работа совершенно не говорит об этом, а именно говорит за то, чтобы разряд был повышен до 1-го.

Да, мы верим тов. Курскому, что правительство принимает все меры к облегчению положения ответственного работника—работника юстиции, но, повидимому, еще мероприятия правительства не достигли до нас, до нашей гущи работников юстиции.

И этими словами хочется только сказать: мы обделены, мы недооценены, мы ждем надлежащей оценки нашей трудной и ответственной работы и обращаем еще раз внимание правительства на наше тяжелое экономическое положение.

II. Сутяжничество и кляузничество.

Не будем закрывать глаза на то, что в последние годы (1920, 1921), сутяжничество в судах достигло крупных размеров. Под понятием «сутяжничество» мы подразумеваем недобросовестность возбуждения судебных дел в личных интересах из низких побуждений. Бесплатная юридическая помощь населению через районные и уездные исполкомы и бюро юстиции в Петроградской губернии, например, в 1921 году отчасти способствовала, к сожалению, этому сутяжни-

честву и вот по каким причинам.—Лицу, желающему сутяжничать, важно причинить известную неприятность лицу или лицам, на которых он просит районного или уездного консультанта написать заявление в суд. Консультант, видя недобросовестность или полную нелепость просьбы явившегося, старается объяснить, убедить, но... у нас бесплатная юридическая помощь понята, как беспорочное подчинение консультанта воле или капризу посетителя. Возникали недоразумения, пререкания и..., в конце концов, консультант писал явно нелепое заявление в суд, ибо отказ консультанта влек за собой:

— Вот так бесплатная юридическая помощь!

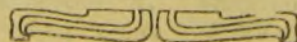
— Ну, конечно, если бы мы вам денежки заплатили, то... и т. д.

Это само по себе, хоть и нелепо, но неприятно. И поэтому бесплатная юридическая помощь сводилась зачастую к написанию непущих заявлений. Солидный посетитель в консультацию идет редко: ему нужно постоянное руководство, ему нужно ведение его дела или непосредственное, или направляющее, ему не нужны отдельные консультационные советы, написанные отдельных заявлений и т. д. И солидные посетители с интересными делами (в том числе рабочие и служащие), повидимому, выискивали способы другой юридической себе помощи и, повидимому, обращались за таковой к частным адвокатам, которые существовали, существуют и будут существовать, имея большую клиентуру. Консультанты же, оказывающие бесплатную юридическую помощь, имеют определенных периодически навещающих их посетителей—сутяжников и этот тягчайший элемент чрезвычайно заполнил все консультации. В октябре 1921 г., например, по нашему району из 86 посетителей 39 было исключительно профессионалов—сутяжников, из чувства злобы, мести и проч. желавших причинить неприятности другим; следовательно, почти 50% дел были делами ненужными и вредными; на 86 посетителей лишь 11% было дел серьезных, а следовательно, 40% дел было случайных и совершенно неинтересных.

В итоге: портится масса бумаги сутяжническими заявлениями и подробными о них отчетами. И, повторю, лишь 11% из всех посетителей за месяц обращаются к консультанту за бесплатной юридической помощью по серьезным делам. Разве это нормально?

Правда, сутяжничество теперь несколько сократилось (и сократилось, например, в нашем районе количество посетителей у консультанта) из-за установления судебных пошлин, ибо «сутяжничество»—это определение недобросовестного начатия дел гражданского характера. Но зато, с уменьшением сутяжничества, увеличилось кляузничество: недобросовестное начатие уголовных дел, недобросовестные жалобы на оскорбления, на то, что «он нарочно толкнул меня, а потому и прошу привлечь его к уголовной ответственности» и т. д. Сутяжничество перешло в кляузничество. И этим тягчайшим материалом загружаются народные суды, их внимание отвлекается на недобросовестные пустяки.

А. Плюшков.



Суд на борьбу с голодом.

В № 7 и др. редакция «Еженедельника Советской Юстиции» обращалась к работникам местных органов юстиции с призывом использовать суд для борьбы с голодом.

Редакцией до сих пор получены следующие сведения с мест:

Тулеский губернский отдел юстиции сообщает, что в течение марта месяца повеломственными учреждениями и непосредственно отделом юстиции собрано и сдано на текущий счет губкомпомгола за № 289859—15.040.500 рублей.

Народный суд 6 участка Ефремовского уезда Тульской губ. сообщает, что в течение марта посредством штрафов, налагаемых на обвиняемых по суду, в пользу голодающих, собрано 38 п. ржи или муки и 500.000 рублей деньгами.

Отдел юстиции челябинского губисполкома сообщает, что 11 марта 1921 г. на совещании судебных деятелей г. Челябинска по вопросу о помощи голодающим была принята следующая резолюция:

1) Кроме обычных отчислений работниками юстиции, ежемесячно отчислять пять процентов в пользу голодающих из продпайка.

2) При вынесении приговоров по делам о преступлении, по которым осужденные подвергнуты тому или иному наказанию, суд обязательно накладывает штраф в пользу голодающих в зависимости от материальных средств осужденного.

3) Во всех помещениях органов юстиции члены коллегии отдела юстиции, члены трибуналов и совнарсуда, нарсуды, нарследователи, юристы, консультанты, секретари, заведующие нотариальными столами, производят сбор добровольных пожертвований, для чего отделы юстиции должны получить в губкомпомголе заверенные подписные листы, в которые жертвователи самостоятельно вносят свои имена и суммы.

4) Устроить лотерею - азарты силами и средствами сотрудников органов юстиции.

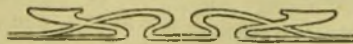
5) Устроить при культпросвете исправдома ряд концертов, чтений, лекций в пользу голодающих. О пожертвованных и собранных суммах еженедельно сообщать для напечатания в газете «Сов. Правда» и ежемесячно в «Еженедельнике Советской Юстиции» через губюст.

Предложить всем убоимам провести указанные меры в своих уездах Челябинской губ.

Указанные мероприятия уже проводятся в жизнь: при даче гражданам юридических советов, нотариальным столом, а равно другими должностными лицами губюбюста за время с 16 по 24 марта собрано 3.128.750 руб. Трибуналом собрано 685.000 руб. и одна цепочка серебряная с брелком и 24 ф. найка. Сотрудниками юстиции губернии собрано за март с. г. муки 29 пуд. 2 фун. Такое же количество муки отчислено и за февраль с. г. По получении из губкомпомгола подписных листов таковые будут разосланы всем нарсудьям и нарследователям губернии и дано распоряжение всем убоимам о немедленном, неуклонном и твердом проведении в жизнь постановлений совещания работников юстиции Челябинской губ. от 11 марта с. г. и всех мероприятий совправительства по помощи голодающим.

Народный судья 7 участка Череновецкого уезда и губ. сообщает следующий отчет: по определениям суда взыскано и сдано в комиссию помощи голодающим—квит. № 15 ячменя 4 пуда; квит. № 24 овса 10 пуд. и ржи 5 пуд.; квит. № 16 овса 31 пуд. 10 фунт.; квит. № 75 овса 7 пуд.; квит. № 88 овса 5 пуд.

Т.т. судьи присылайте отчеты, что сделано вами для спасения голодающих. Мы знаем, что работа идет, пишите же об этой работе.



Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Сохраняет ли какое-либо право арендатор, если собственник лишен права собственности по закону.

По арендному договору от 17-го февраля 1910 года Крестовоздвиженским монастырем Макарьевского уезда, Нижегородской губернии, сдан был гр-нам Минсееву и Авдееву участок земли сроком на 12 лет для выстроения мельницы с тем, что по истечении арендного срока мельница со всеми сооружениями и инвентарем переходит в собственность монастыря. 29-го сентября 1921 года указанная мельница сдана по договору Лысковским экономотделом в аренду гр-ну Рукавишникову сроком на 5 лет и последний вступил в фактическое владение мельницей. Гр-нами Минсеевым и Авдеевым был предъявлен иск в народном суде 3-го уч. о признании за ними права собственности на озна-

ченную мельницу и о выселении Рукавишникова из занимаемого им мельничного дома.

Решением от 8-го ноября пр. года исковые требования народным судом удовлетворены и допущено предварительное исполнение решения. Совнарсудом решение народного суда 5-го декабря утверждено. На имя Лысковского исполкома и уездного бюро юстиции поступили жалобы гр-на Рукавишникова и экономотдела, которые вместе с заключением губюбюста направлены в Наркомюст в порядке высшего судебного контроля. Наркомюст нашел:

1) Не могло быть и речи о признании права собственности на мельницу за Минсеевым и Авдеевым, так как последние даже на основании своего договора с Крестовоздвиженским монастырем от 17-го февраля 1910 года являются не собственниками, а лишь арендаторами мельницы, срок аренды которых исте-

каст 1-го сентября 1922 года. Суд должен был иметь в виду, что на основании закона о социализации земли все монастырские владения со всеми строениями перешли в собственность республики и, таким образом, все договоры, заключенные прежними владельцами, указанным декретом аннулированы, а потому народный суд не мог руководствоваться в своем решении существовавшим от 17-го февраля 1910 года договором и должен был отказать в иске за отсутствием права на него.

2) Имея в виду, что с прекращением силы упомянутого договора и с переходом монастырских земель в руки государства гр-не Минеев и Авдеев пользовались последние годы мельницей без юридического основания, экономотдел был вправе сдаться в аренду по своему усмотрению.

3) Предварительное исполнение решения в таком деле, где заинтересованы государственные учреждения и где от исполнения решения может последовать непоправимый ущерб для государства, допускаемо быть не может.

По изложенным соображениям решение народного суда 3-го уч. Макарьевского уезда от 8-го ноября 1921 года, признано не имеющим законной силы и дело прекращено за отсутствием у Минеева и Авдеева права на иск.

(Определение по гр. делу № 238—1922 г.).

II. Кем должен быть разрешен спор о мельнице между совхозом и бывшим владельцем-помещиком.

Водяная мельница, принадлежавшая ранее помещику Линеву, входила в состав его нетрудового имущества, изъятого у него по декрету о социализации земли. При этом он утверждает, что эта мельница не вошла в состав образованного в его бывшем имении совхоза, тогда как жалобщик и ответчик по иску Калужское губернское управление государственными советскими хозяйствами и Желонский совхоз Спасо-Деменского уезда утверждают противное. Вопрос этот является в деле основным и он судом не разрешался.

Вопрос о порядке управления и эксплуатации мельниц с.-хозяйственного типа определяется декретом СНК от 21-го июля 1921 г. (Собр. Узак. № 56, ст. 352) и декретом СНК от 22-го июля 1921 г. (Собр. Узак. № 57, ст. 359) в зависимости от того, принадлежит ли она к совхозу или нет, и таким образом, распоряжение мельницей зависит от хозяйственных и административных органов губпродкома или губзо, постановления которых не могут быть пересматриваемы в судебном порядке, а лишь подлежат обжалованию по инстанциям, поэтому независимо даже от того, принадлежит ли мельница к составу совхоза, настоящее дело народному суду не подсудно. Независимо от сего вопрос о разрешении бывшему помещику Линеву возратить часть его бывшего имущества по трудовой норме должен быть разрешен прежде всего с политической точки зрения и подлежит компетенции уездного и исполкома.

В конечном итоге Спасо-деменский уотнархоз не имел права направлять спор о мельнице в народный суд, а последний не мог принимать дело к разрешению в исковом порядке, ибо нет главных элементов иска—требования истца и споров о праве, ясно выраженном на основании закона. Между тем в данном случае Линева такого права еще не имеет.

Ввиду разногласий между органами совнархоза и земельными, а также, принимая во внимание, что мельницы с.-хозяйственного типа должны находиться в ведении Наркомпрода и его органов—настоящий вопрос должен быть окончательно разрешен губкоже.

По этим соображениям решение народного суда по настоящему делу признано не имеющим силы и отменено, и дело по неподсудности производством прекращено с предложением калужскому отделу юстиции весь материал передать на разрешение губкоже. (Определение по гр. делу № 179—1922 г.).

III. Нарсуд не может принимать к своему производству ходатайство о восстановлении служебных прав.

Гр. Петров по распоряжению губнарвязи от 2 сентября 1920 г. был отдан под суд за халатное отношение к службе и до окончания дела смел с должности завед. шашинским плотд. (Калужск. г.) на должность рядового почтальона в Сухиничи; мешевское политбюро по постановлению своему от 24 декабря 1920 г., утвержденному губчека 18 февраля с. г. нашло, что Петров не виновен и несет кару безвинно. Основываясь на этом, Петров подал 1 августа 1921 г. в народный суд 3 участка Козельского уезда прошение, в котором ходатайствовал о восстановлении его в правах прежней должности и о возвращении к месту службы в Шлиппово, результатом какового прошения и было упомянутое решение народного суда 8 августа 1921 г., т.-е. водворить на прежнюю службу.

Между тем, согласно декрета об ограничении права на вознаграждение должностных лиц, привлеченных к следствию или суду, опубликованного в Собр. Узак. за 1919 г. № 32, ст. 376, и циркулярной инструкции НКЮ от 25 февраля 1921 г. за № 5 о порядке применения этого декрета, руководители учреждения имеют право до окончания следствия и суда уведомить обвиняемого от прежней должности, а затем, в случае оправдания обвиняемого, копия оправдательного приговора препровождается по месту службы обвиняемого и уже от начальства обвиняемого зависит оставить его на прежней должности или же нет, причем в случае непредоставления обвиняемому прежней или равнозначущей должности он получает вознаграждение на общем основании, как лицо увольняемое от службы за сокращением штатов.

Таким образом, и на точном основании ст. 4 Положения о Нарсуде, народный судья не имел права принимать к своему производству прошение Петрова, как относящееся всецело к компетенции губотдела нарвязи, а тем более не имел права выносить вышеозначенное решение.

Ввиду изложенного Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Судебного Контроля на основании п. «в» ст. 2 Положения о Высшем Судебном Контроле определил: решение народного суда 3 участка Козельского уезда от 8 августа 1921 г. по делу Петрова признать не имеющим законной силы и самое дело производством прекратить со всеми последствиями, направив его на распоряжение в Народный Комиссариат Почты и Телеграфа.

(Определение по гр. делу № 2849—1921 г.).

IV. С проституцией борьба, за сводничество уголовная наказуемость.

Приговором народного суда 2-го участка Мурманского уезда и губернии гражданки Майорова,

Ваннева и Полякова признаны виновными в занятии проституцией, а Майорова, кроме того, также и в сводничестве и допущении разврата в своей квартире, и приговорены к лишению свободы сроками Майорова на 3 года, а Ваннева и Полякова на 2 года; в отношении же сообщаемых Таловой и Семеновой дело слушанием отложено ввиду до получения точных сведений о их возрасте; при чем настоящий приговор, обжалованный одною Майоровой, губсовнарсудом утвержден.

При бесспорной наказуемости сводничества и содержания притонов разврата, занятие проституцией, как таковое, не может быть само по себе признано уголовно-наказуемым, но борьба с этим социальным злом, — обусловленным, главным образом, бедностью масс и приниженностью женщины, как неперенным наследием буржуазно-капиталистического строя, — должна вестись мерами, направленными к устранению причин, его порождающих.

Посему и на основании ст. 2 п. «в» Положения о Высшем Судебном Контроле, НКЮ определил:

приговор по настоящему делу нарсуда и определение губсовнарсуда признать в отношении Ванневой, Поляковой, Таловой и Семеновой не имеющими законной силы по явному нарушению п.п. 3 и 6 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР и дело это в отношении указанных лиц за отсутствием состава преступления, производством прекратить.

(Определение по уг. делу 2828—1921 г.).

V. С выходом из состава сельского общества, как юридического лица, теряется право на общественное имущество.

Гр. Балакин предъявил к гр. уткинского сельского общества Шуйск. у., Изв. Возн. г., иск в 24 п. овса и 24 п. ржи. Гр. Балакин состоял членом уткинского сельского общества и в качестве такового, а ранее как домохозяин семейства, к которому принадлежал, он вносил свою долю хлеба и овса для образования неприкосновенного запаса, предусмотренного действовавшими в то время законами. Он выехал из деревни много лет тому назад, но сохранил ли права члена уткинского сельского общества судом не установлено. В 1918 г. без его ведома и в его отсутствие гр. разделили между собой наличный запас и он, считая, что в этом накопившемся запасе есть и его, доля требует себе выдачи этой доли, определенной им в 24 п. ржи и 24 п. овса, утверждая, что ранее этого времени он не имел возможности предъявлять какие-либо требования, так как хлеб этот считался

неприкосновенным. Иск его судом и совнарсудом удовлетворен.

Составление хлебного запасного фонда являлось государственной повинностью и образованный путем этого сбора фонд являлся собственностью сельского общества, причем передача его в другие руки строго воспрещалась. Так как образование запасных фондов было произведено в дореволюционное время, то для правильного выяснения того, кому принадлежали запасы хлеба, необходимо основываться на законоположениях, действовавших в момент их образования, тем более, что с этой стороны противоречий в них с современным правосознанием не усматривается.

Таким образом, наличные запасы хлеба в каждый данный момент составляли собственность юридического лица — сельского общества и, стало быть, всякое лицо, выбывшее из его состава, разрывая свои правоотношения с этим юридическим лицом, теряло и все права и отношения ко всему, составлявшему его материальное содержание, земле, капиталу, учреждениям и всякого рода фондам, точно так же, как вновь вступившее установленным порядком лицо приобретает все права одним фактом своего вступления. Поэтому решающим моментом является обстоятельство, продолжал ли быть истец Балакин еще членом данного сельского общества, или он, будучи оторванным от него в течение многих лет, уже права эти утратил, почему истец должен представить суду надлежащее в том удостоверение местных земорганов, чего не только им сделано не было, но, напротив того, в деле имелось удостоверение волостного противоположного содержания, оставленное народным судом без всякого обжалования.

Равным образом, не обжалованы народным судом и прочие возражения ответной стороны относительно того, что наличность хлебных запасов заменена была денежным фондом, внесенным в государственную обязательную кассу, и что размер иска ничем не подтвержден.

По этим основаниям, не входя в обсуждение того, насколько законны были действия граждан по распределению хлебных запасов, что относится к компетенции административных органов и имело место в 1918 году, Народный Комиссариат Юстиции определил: решение народного суда 3-го участка Шуйского уезда, Изв. Вознесенской губ., по настоящему делу признать не имеющим силы и отменить, передав дело для нового рассмотрения в другой народный суд Шуйского уезда.

(Определение по гр. делу № 18—1921.)

ЗА РУБЕЖОМ.

Правосудие во французских колониях.

Нигде так не проявляется склонность французской палаты депутатов к успокоительной лжи и лицемерию, пишет «Progres Civique» от 15 апреля, как в дебатах по колониальным вопросам. Недавно на заседании Палаты Депутатов Буанефоном был внесен запрос по поводу положения дел в Камбодже (Азия), хотя ясного ответа на свой запрос он и не получил. Сообщенные факты сводятся к следующему: Бедлан, резидент Франции в одной из провинций Камбоджи, констатировал во время своего объезда, что в одном из

округов, находящихся в управлении Денлисса, «в тюрьмах содержатся сотни арестованных, относительно которых ему не могли сообщить никаких сведений. Ни дать каких-либо объяснений. Эти арестованные, некоторые месяцами, некоторые уже год и два ждут, чтобы их только суда над ними, но даже предъявления к ним какого-либо обвинения». Кроме того, им установлено было много злоупотреблений и в других областях управления. Произведенным расследованием верховного резидента была установлена истинность этих фактов. Замечательней всего то, продол-

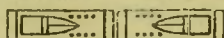
жает «Progres Civique», что в результате столкновения Беллана с вновь назначенным верховным резидентом он смещается с своего места и на его место назначается никто иной, как сам Деялесс, в округе которого были обнаружены злоупотребления и который, по его настоянию, был удален с своего поста. В настоящее время по какой-то иронии Деялесс назначен начальником охранной полиции Камбоджи.

Реформа третейских судов в Австралии.

Благодаря постоянным конфликтам, возникавшим в последнее время между австралийским федеральным третейским судом и судами отдельных штатов, возникло движение в пользу реформы существующей системы третейских судов. Со времени издания закона 1904 г. о примирительном производстве злоупотребления, которые приобрели систематический характер, постепенно приводили ко все более серьезным столкновениям и трению юрисдикции федерального суда и судов отдельных штатов.

По настоянию премьера Южной Австралии состоялась конференция всех премьеров отдельных штатов и премьеров федерации, на которой был разработан проект, в общих чертах заключающийся в следующем: парламенты отдельных штатов уполномачивают федеральный парламент создать новый третейский суд, состоящий из судей федерации и из судей отдельных штатов. Главные функции этого суда будут заключаться в следующем:

1) Суд будет устанавливать заработную плату и рабочее время в какой-либо или во всех отраслях промышленности; 2) Суд явится апелляционной инстанцией для решений, постановлений или приказов федерального суда и властей, а также суда и властей отдельных штатов; 3) Суд будет решать, какие отрасли промышленности должны рассматриваться как федеральные. С установлением этого нового суда работа существующего федерального третейского суда, созданного согласно закона 1904 г., сведется к разбору конфликтов, возникающих в федеральных отраслях промышленности.



ХРОНИКА.

Условия приема в научные сотрудники Института советского права.

ИСП сообщает следующие условия приема в научные сотрудники ИСП, установленные для 1922 г.

1. В научные сотрудники ИСП принимаются лица, обладающие: 1) достаточной марксистской подготовкой; 2) знаниями правовых наук в объеме высшей школы или значительным стажем в области правового советского строительства и 3) склонностью к научной работе.

2. Каждый желающий поступить в ИСП подает в ученую коллегию института (Москва, Ильинка, уг. Николаевской линии) заявление с указанием своего адреса, с приложением подробной автобиографии, печатных работ, если таковые имеются, и одной из следующих рекомендаций: 1) партийной организации РКП (ЦК или губкома); 2) Коллегии Наркомата, в котором работает поступающий и 3) правления ВУЗ или президиума факультета, который окончил поступающий.

Примечание: при приеме преимущество отдается лицам, обладающим значительным партийным или советским стажем.

3. Каждый желающий поступить в ИСП должен: 1) представить письменную работу по выбранной специальности на тему по соглашению с приемной комиссией и 2) выдержать устные испытания по следующим предметам: а) теоретической экономии; б) историческому материализму и в) общей теории права и государства.

Примечание: при подаче заявления, каждый поступающий должен указать желательные для него темы письменной работы по выбранной им специальности.

4. Предельным сроком представления письменной работы назначается 1-е сентября 1922 г. Устные испытания производятся с 1-го по 20-е сентября. К устным испытаниям допускаются те из соискателей, письменные работы которых будут признаны удовлетворительными.

5. Устные испытания производятся в следующем объеме:

А. По теоретической экономии: 1) К. Маркс «Капитал», т. 1-й; 2) К. Маркс «К критике политической экономии»; 3) Гильфердинг «Финансовый капитал»; 4) Ленин «Империализм, как новейший этап капитализма»; 5) Бухарин «Экономика переходного периода».

Б. По историческому материализму: 1) Маркс и Энгельс «Коммунистический манифест»; 2) Энгельс «Анти — Дюринг»; 3) Энгельс «Людвиг Фейербах»; 4) Плеханов «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю»; 5) Плеханов «Основные вопросы марксизма»; 6) Бухарин «Теория исторического материализма».

В. По общей теории права и государства: 1) Энгельс «Происхождение семьи, собственности и государства»; 2) К. Маркс «Борьба классов во Франции»; 3) К. Маркс «18-е брюмера Луи Бонапарта»; 4) К. Маркс «Критика готской программы»; 5) Ленин «Государство и революция, ренегат Каутский»; 7) Магазинер «Самодержавие народа»; 8) Стучка «Революционная роль права».

* * *

В Малом Совнаркоме рассмотрен и принят за основу проект положения о земельных судах в редакции, представленной Народным Комиссариатом Юстиции. (См. статью т. Лисицына в № 14—15 «Еж. С. Ю.»).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Нарследователю 2-го уч. Льговского уезда Курской губернии. Вопрос о сроках давности по тяжким преступлениям в порядке циркуляра № 29 от 1920 г. до настоящего времени разрешался в том смысле, что в случае обнаружения скрывшегося преступника приостановленное производством дело подлежащим судебным органом возобновлялось, при чем судебный орган, прежде всего, обязан был обсудить вопрос о том, насколько деяние подсудимого является в данное время общественно-опасным и требующим судебного воздействия и не подлежит ли оно прекращению производством.

В связи с предстоящим введением в действие Уголовного Кодекса (внесенного ныне на утверждение пленума сессии ВЦИК) вопрос о сроках давности получает в настоящее время совершенно определенное разрешение. Ст. 21 Уголовного Кодекса говорит буквально следующее: «Наказание не применяется, когда со времени совершения преступления, за которое Уголовным Кодексом как высшее наказание определено лишение свободы на срок выше одного года, прошло не менее пяти лет или когда со времени совершения менее тяжелого преступления прошло три года—при условии: 1) если за все время не было никакого производства или следствия по данному делу и 2) если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого преступления».

Председателю уезда тов. А. Гарнягину, гор. Онега Архангельской губ. 1) Если суду, рассматривавшему дело о каком-либо лице, не было известно о совершении этим лицом тождественного или однородного деяния, за которое это лицо было осуждено условно, и по второму делу был вынесен также обвинительный приговор, вопрос о приведении в

исполнение первоначального приговора, должен быть рассмотрен судом, вынесшим вторичный приговор, в особом заседании с вызовом обвиняемого.

При постановлении определения о приведении первоначального приговора в исполнение суд должен, однако, иметь в виду, что срок наказания по обоим приговорам не может превышать пяти лет; если сроки наказаний по этим приговорам в сумме превышают пять лет, в определении должно указать о сокращении срока подлежащего отбытию наказания до 5 лет.

Суд, вынося условный приговор, должен указывать испытательный срок (3, 4, 5 лет), совершение в течение которого нового тождественного или однородного преступления влечет за собой приведение условного приговора в исполнение.

Если суд этого срока в своем приговоре не указал, испытательный срок должен считаться установленным в размере 5-ти лет.

2) Ст. 165 Уголовного Кодекса, внесенного в сессию ВЦИК, открываемую 5 мая, гласит: «Половые сношения между лицами, находящимися в родстве, препятствующем вступлению в брак, караются—лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года».

2) По вопросу о двоеженстве ответ имеется в определении Отдела Высшего Судебного Контроля, опубликованном в № 13 «Еженедельника».

3) По вопросу о наказуемости погребения умершего лица по церковным обрядам вопреки его воле запрошено мнение отдела по отдел. церкви от по-сударства, ответ будет дан.

Галкину, поселок Отрадный Рязанской губ. Две ваши статьи: «Крестьянский раздел» и «Независимость судьи и курсы» приняты, как материал к разработке законов.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

О порядке применения амнистии по продналоговым делам.

В целях единообразного по всей федерации применения амнистии к неплательщикам продналога в районах, выполнивших продналог,—постановление президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 февраля, опубликованное в «Известиях ВЦИК», от 2 марта 1922 г., за № 49—и согласования его с последовавшими законодательными актами: постановлением президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, от 2 марта 1922 г., об едином натуральном налоге («Известия ВЦИК» от 4 марта 1922 г., № 54) и постановлением Совета Народных Комиссаров, от 14 марта 1922 г., о недоимках по продналогу («Известия ВЦИК», от 17 марта 1922 г., № 62), президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

Предложить всем губревтрибуналам, парсудам и исполкомам, применяя амнистию, руководствоваться следующими правилами:

1. Действие амнистии распространяется на все губернии и области РСФСР, при чем амнистия в от-

ношении личных взысканий применяется по всем делам о налоговых правонарушениях, вообще, в отношении же сложения имущественных взысканий только по ходатайству губернского исполкома перед президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в каждом отдельном случае (п. 6 постановления ВЦИК от 27 февраля).

Примечание: Амнистия применяется только по делам о налоговых нарушениях по тем видам продналога, сбор которых объявлен законченным на 15 марта 1922 г.

2. В соответствии с сим все дела о налоговых правонарушениях, еще не разрешенные трибуналами и народными судами в судебном порядке, прекращаются и передаются в уполномочен для зачисления не-сданной части налога в недоимку и начисления соответствующей пени (1 пункт постановления Совета Народных Комиссаров от 14 марта 1922 г.), а равно и определения льгот по уплате налога (п.п. 2 и 3 того же постановления).

3. По делам, рассмотренным ревтрибуналами и народными судами, приговоры по которым еще не вступили в законную силу, осужденные от всякого наказания освобождаются, а дела передаются в исполнение для определения размеров наказания согласно ст. 2 настоящих правил.

4. По делам решениями, с приговорами, уже вступившими в законную силу, осужденные освобождаются только от личных наказаний.

5. По делам с приговорами, обращенными к исполнению, личная амнистия к лицам, лишенным свободы и осужденным на принудительные работы, применяется губерньскими распределительными комиссиями.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 13 апреля 1922 г.

(«Изв. ВЦИК» № 87-21 апреля 1922 г.).

О применении амнистии ко всем без исключения отбывающим наказания, связанные с продналогом.

Телеграмма всем губисполкомам, облисполкомам, совнаркомам автономных республик, копия губродкомам, облпродкомам Наркомпрода, копия распределительным комиссиям.

Телеграммой 17 марта за подписью Наркомпрода Брюханова и Наркомюста Курского было предложено провести в жизнь постановления ВЦИК от 27 февраля и 2-го марта о личной амнистии отбывающим наказания за преступления, связанные с продналогом. 12-го апреля член коллегии Наркомпрода Смирнов телеграфно разъяснил, что все губернии считаются выполнившими продналог полностью. Между тем, некоторые распределительные комиссии, применяя указанные телеграммы, ограничиваются освобождением лишь тех, кои приговорены к годичному заключению. К осужденным на более продолжительный срок комиссии применяют амнистию, сокращая срок заключения на одну треть или наполовину. Предлагается срочно применить полностью личную амнистию за преступления, связанные с продналогом, независимо от того, к какому сроку наказания виновные были приговорены и независимо от размера выполнения в вашей губернии продналога.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Наркомпрод Брюханов.

Наркомюст Курский.

22-го апреля 1922 года.

Циркуляр № 37.

Всем губюстам.

В дополнение циркуляра № 20, принимая во внимание важность поступлений промышленного сбора предприятий мукомольной и крупной промышленности, предлагаю во всех случаях взыскания этого сбора подвергать решения предварительному исполнению.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Издатель: Народный Комиссариат Юстиции.

(Р. В. Ц. Москва, № 1254).

Циркуляр Ц. К. профсоюза совработников № 56.

Всем губотделам союза.

В виду запросов с мест о тарификации по 17-разрядной тарифной сетке должностей судебных работников, которые до сих пор тарифицировались по тарифу ответственных политических работников, ЦК совработников сообщает губотделам для руководства, что должности судебной группы должны быть отнесены к следующим разрядам:

Тариф судебной группы.

1. Заведующие губотделами юстиции	16.
2. Завед. исправ. - труд. п/отд.	15.
3. Председатель ревтрибунала	16.
4. Члены ревтрибунала	15.
5. Председатели губсовнарсудов	16.
6. Замест. председателей губсовнарсудов	16.
7. Члены президиумов губсовнарсудов	15.
8. Председатели уѣздов	14.
9. Народные судьи	15.
10. Добавочные народные судьи	14.
11. Следователи по важнейшим делам	15.
12. Следователи докладчики ревтрибуналов	15.
13. Народные следователи	14.
14. Консультанты губ- и уѣздов	13.
15. Завед. нотарпальн. п/отд. губуѣздов	13.
16. Завед. нотарпальными столами уѣздов	12.
17. Обвинители	14.
18. Судебные исполнители	11.
19. Секретари губуѣздов	11.
20. » губсовнарсудов	11.
21. » особых ессей	11.
22. » ревтрибуналов	11.
23. » уѣздов	11.
24. » нарсудей	11.
25. » следственных органов	10.
26. » нотарпального стола	9.
27. Пом. секретарей губуѣздов	9.
28. » » губсовнарсудов	9.
29. » » ревтрибуналов	9.
30. » » нарсудей	9.
31. Переводчики	8.
32. Судебные распорядители	7.

Настоящий циркуляр проводится в жизнь с 1 апреля с. г. Одновременно с ним аннулируется тарификация судебных должностей, перечисленная в тарифе, утвержденном 20/XI—21 г.

Вместе с тем подтверждаем, что на должности, указанные под №№ 1—14, должны распространяться правила о дополнительном вознаграждении ответственных работников, установленные ВЦСПС с 1 февраля с. г. (газета «Труд», № 16 от 24 I—21 г.).

Секретарь ЦК Рабинович.

ОНТ ВЦСПС подтверждает: утвердить с 1 апреля 1922 года.

Секретарь ВЦСПС Андреев.

Зам. завед. ОНТ ВЦСПС Аадеев.

В № 14—15 «Еженедельника» произошла дозадная опечатка: в постановлении ВЦИК — Положение о векселях — напечатано: «Отдел I. О переводных векселях», нужно читать: «Отдел I. О простых векселях».

Редактор: Редакционная Коллегия.

Типография ГПУ Лубянка 18.